

ВИКТОРИЯ КУРЕНКОВА

«ВСЁ ПРОХОДИТ, НО ВСЁ ОСТАЁТСЯ...»*

CABINET PORTRAIT

Это мои прабабушка и прадедушка, Лев и Берта Садовниковы. Учитывая, что моим внукам Анечке и Андрею в этом году исполнилось 22 года, я и сама уже вполне могу быть прабабушкой. Стало быть, эта фотография очень старая. Ей почти 100 лет. На обороте дарственная надпись с датой: 1920 г

Есть и более старые фото. Есть совсем ветхие документы. Например, свидетельство о рождении бабушки Ани Ноль, 1901-го года, с подписью раввина Бахмутского уезда. Есть переплетенный кожей блокнот с золотым обрезом, с атласными, цвета слоновой кости, страницами, с орнаментом окраса павлиньего пера на форзаце. Блокнот запирается металлическим замочком, а потом на ключик. Ключик, естественно, не сохранился, но накладной замочек работает безукоризненно. Скорее всего, он из жизни прабабушки и прадедушки Садовниковых. Блокнот так красив, что никто не решился

делать в нём записи. Ко мне, восьмилетней, в руки он попал первозданным, и я смело вписала в него своё первое стихотворение: «Ленин провозглашает советскую власть».

Но, главное, пять альбомов фотографий. Полное - переполненное вместилище жизни не семьи - многих семей, судеб, друзей, поколений. Изрядный кусок времени в потоке человеческих упований, радостей, страданий, надежд, разочарований, любви, измен, разлук, рождений и смертей. В этом музее сплошь подлинники. Цвет их волшебный, неописуемый. Прикосновение к ним вызывает душевный трепет и покаявание в подушечках пальцев.

Похожее чувство я испытала когда-то в археологической экспедиции в степном Крыму, когда складывала черепки лепного горшочка, из древнего, более 4-х тысяч лет, захоронения. Склеивая промытые и вычищенные черепки, я явственно разглядела отпечаток пальца человека, лепившего горшочек. Всё было дивно в этом изделии: и орнамент, выдавленный в сырой глине травинкой, и глиняные нашлапки, олицетворяющие изобилие женской груди. Но ненамеренный, нечаянный отпечаток пальца меня потряс. Я когда-нибудь напишу об этом...

*Павел Флоренский. Из письма матери, 1935г.

Вот также волнуют и старинные картонки с вверенными им лицами, с вензелями растворённых во времени фотостудий. Хочется расшифровать и понять каждую букву надписи на обороте. Рассмотреть мельчайшие детали одежды, причёски, украшений, додумывать, открывать, находить объяснения, искать знакомые черты. У прадедушки Льва Садовникова уши крупные, правильной формы, с развитыми мочками. По какой-то там теории это признак ума и интеллекта. И, посмеиваясь над собой, разглядываю в зеркале свои уши...

Почему-то я ощущаю абсолютную невозможность отпустить их в небытие. Всё исчезает - нелепо этому сопротивляться. Нет у меня вовсе и претензий на исключительность: не Толстые, не Кляузницы. Люди как люди. Жили себе. Переплывали положенное время, или время скользнуло по отведенному им отрезку и двинулось дальше. А они остались в случайно сохранившихся карточках. Вот они. Я их вижу. Я держу их в руках.

Используя невообразимые ранее возможности, я переведу фото в цифровое поле, напишу к ним сопровождающие тексты, и всем найдётся место в бездонном интернете. Могли ли Лев и Берта Садовниковы представить себе подобный оборот дела? Может быть, они предчувствовали его? Поэтому на фото и выглядят так торжественно? Приличествующими бессмертию.

И всё же остаётся вопрос, что делать с подлинниками? Есть ощущение, что внуков и правнуков вполне устроит цифровая версия семейной истории. И за то спасибо.

Что же делать со всеми этими листочками, карточками, альбомами? Может быть, сжечь в чистом огне, своими руками и быть уверенной, что не случится им валяться размётанными в лужах возле мусорных ящиков? Сколько таких я видела!

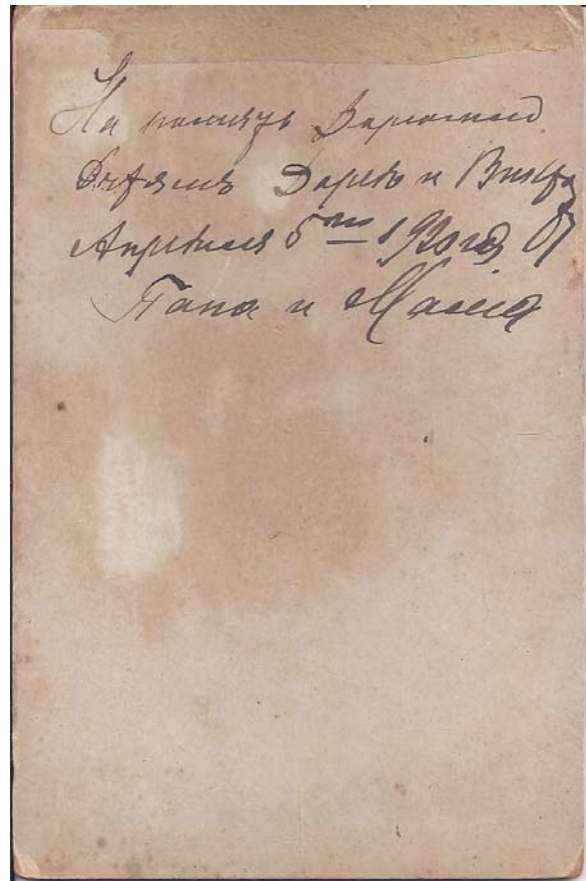
Нет ответа...

САДОВНИКОВЫ

На фотографии Лев и Берта - представительная пара. Видно, что сжились, срослись неразрывно, подходят друг другу. У супругов четверо детей: три дочери - Дора, Полина и Мария и сын Ефим. Старшая дочь Дора - моя бабушка.

До революции Садовниковы были людьми состоятельными, владели доходными домами в Симферополе по улице Некрасова, справа от цирка Шапито. В доме, выходящем балконом второго этажа на улицу, жила их семья. Другие одно- и двухэтажные дома стояли по периметру вымощенных булыжниками дворов. Однажды мама мне их показала.

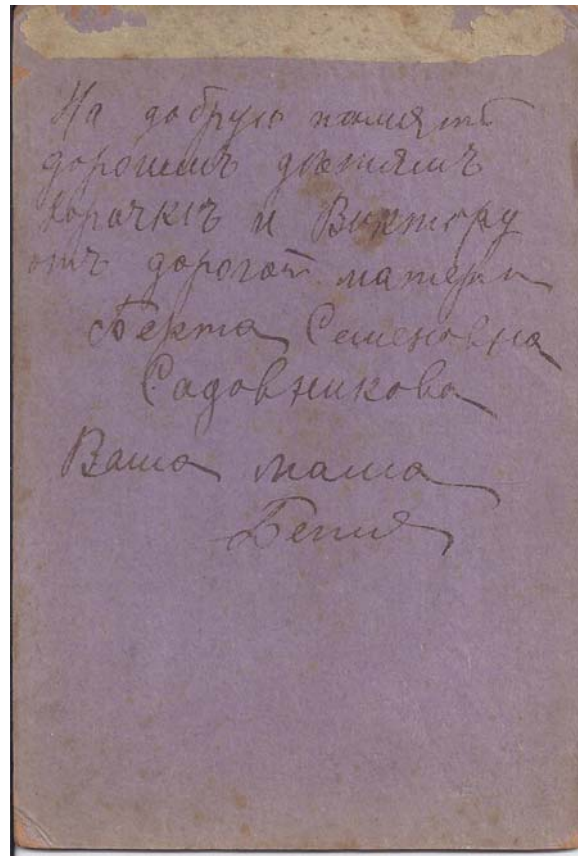
Дома являлись не единственным доходом семьи. Лев Садовников был крупным торговцем и даже меблировал царское имение в Ливадии. Скорее всего, это было в 1911 году, когда «по проекту ялтинского архитектора Краснова для императора Николая Второго был построен новый Белый дворец» /Википедия/. Бабушка Дора говорила мне, понизив голос до шёпота: «поставщик мебели ко двору Его величества». Мне кажется, прадедушка и выглядит на фотографии человеком значительным, «поставщиком Его величества».

Видимо, фото было удовольствием недешёвым, и дарение фотопортретов являлось ритуалом. Да они, мастерски выполненные, и заслуживали того: матовая сепия изображения создаёт объём и как бы светится изнутри. Торжественное название фотомастерской золотом или серебром, латинскими буквами: Cabinet-Portrait!

Фото подарены старшей дочери Доре и её мужу, Виктору, возможно, по случаю женитьбы. Чуть больше, чем через год, 21 июля 1921 года у них родилась дочь, моя мама. Немного странно, что портреты подарены родителями по - отдельности. Каждый подписан собственноручно. Почерки у обоих красивые, чёткие, с выполнением старинных правил правописания. Во многих словах в различных вариациях употреблена непривычная «ять».

Подпись Льва лаконичная, точная. « На память Дорогим Детьям Доре и Виктору Апреля 5го 1920 год. Папа и Мама». Лицо у прадедушки умное. Выражение лица спокойное, чуть печальное. Производит впечатление человека, который «знает».

Дарственная надпись бабушки Бети, так её называла в разговорах её дочь, моя бабушка, мягче, теплее и немного смешная: «дорогим детям... от дорогой матери». Но выглядит бабушка Бетя гранд - дамой. Может быть, из-за пенсне, прямой осанки, строгого чёрного платья? Волосы тщательно уложены в причёску. На шее переплетены нити мелкого жемчуга, брошь и серьги усыпаны камешками.

И парный, и одиночные портреты сделаны одновременно, в начале 1920-го года. А «в ноябре 20-го года Красная армия, преодолев перекопские укрепления, захватила Крым. 15-го ноября был взят Севастополь, 16-го - Керчь. Это был последний фронт Гражданской войны». /Википедия/

На фотографии лица Садовниковых спокойны, однако счёт переменам идёт уже на месяцы. Могу только предположить, какие события довелось и ещё доведётся им пережить, какие тяжкие раздумья передумать! Когда и как они умерли? Я не знаю. Бабушка говорила, что они похоронены на старом еврейском кладбище в Симферополе. Я даже не знаю, где оно...

СТАРШАЯ ДОЧЬ, ДОРА

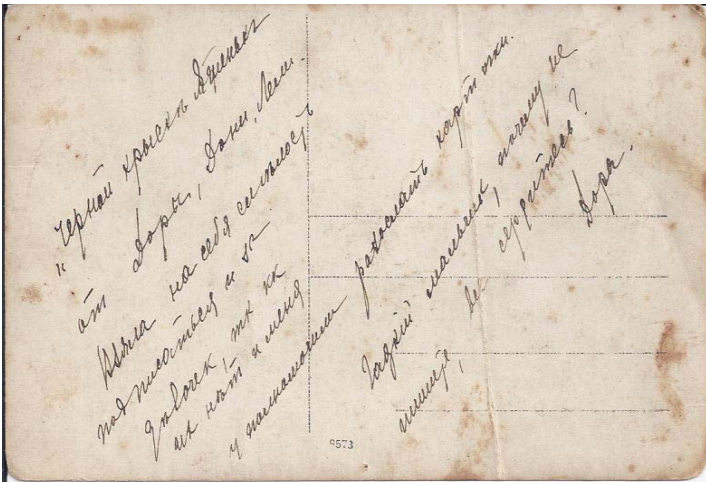

Дора родилась в 1889-м году. На фотографии она гимназистка, скорее всего, выпускница. Если Доре на фото лет 17, значит, это 1906-ой год. Карточка изящного небольшого размера. Здесь, на странице, в натуральную величину. Выполнена в Симферополе, в фотоателье Могилевского.

Дора не красавица. Крупные черты лица, пышные волосы. В гимназической форме, с бантом выглядит нарядно. Бабушка всю жизнь хорошо училась, была умница, немногословная, с чувством юмора. Уж у неё-то уши были точно, как у отца. Соседи в старости говорили о ней: «Умная женщина».

После окончания гимназии Дору отправили учиться в Киев, в зубо врачебную школу. К этому времени относится портрет, присланный родителям студенткой. Он выполнен на Крещатике 28, (уг.Прорезной), в фотографии Василевского. На обороте обещание, вызывающее мысль о неосмотрительности обещаний: «негатив сохраняется». Интересно, сколько лет, веков...?

Забавная фотография, на которой Дора (крайняя слева) с двумя подружками. Все три девушки в одинаковых матросских блузонах. Почему? Не представляю себе. На танцовщиц девушки не похожи. Подпись, сделанная юной бабушкой на обороте изумительно красивым почерком, кокетливая, игривая. Как, если бы писала роковая красавица: «Чёрной крыськ Яшенькь от Доры, Дони, Лёли. Взяла на себя смелость подписаться и за девочек, тк кк их нът и меня уполномочили разослать карточки. Гадкий мальчик, почему не пишете, всё сердитесь?»

По всей вероятности, Доре и самой тон показался слишком игривым, потому что открытка осталась неотправленной. В своё время я могла расспросить об этом бабушку. Но я пробежала взглядом старинный альбом, не

удосуживаясь рассмотреть внимательно. Некогда было. Своя жизнь захлёстывала. Бабушка умерла, когда мне было 16 лет.

У Доры был нервный тик, постоянное подёргивание головой. Это не мешало ей ни жить, ни учиться, ни, впоследствии, работать. Она привыкла к этому подёргиванию, и все привыкли. Однажды я спросила, откуда у неё это? Бабушка рассказала, что ещё девочкой, во время еврейского погрома она с балкона увидела, как черносотенцы убивают еврейского старика.

Уже в эпоху интернета, наслаждаясь безграничными информационными возможностями, я вычитала, что в Симферополе, в октябре 1905-го года произошли жестокие погромы. «Бейте, режьте жидов, как в Кишинёве», - советовал толпе полицейский в Симферополе. «Бейте, душите, режьте их. Не бойтесь, полиция и войска будут за вас!» В Симферополе в день погрома из тюрьмы выпустили всех уголовников, которые приняли самое активное участие в погромах. Полная безнаказанность действий погромщиков окончательно развязывала им руки. Этим и объясняются ужасные зверства громил, выбрасывавших стариков с верхних этажей домов и разбивавших младенцам головы о стену» /В. М. Хитерер ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ НА УКРАИНЕ В ОКТЯБРЕ 1905 ГОДА /

Сейчас мне кажется, я помню - только смутно - тот балкон на втором этаже дома по улице Некрасова, с которого 16-летняя бабушка могла увидеть...

Три фотографии первой половины 20-х годов - дань санаторно-курортному отдыху. Дора на фоне скал, на фоне залива (Рабочий уголок?), с молодыми женщинами, товарками. Она миловидная, коротко стрижена по моде. Чудесное платье (я рассматривала с увеличением) из белого гипюра с кружевным верхом. Фасон сложный: под грудью ряд вертикальных строчек, книзу небольшой клёш, с глубокой складкой по центру. Платье Дору худит, идёт ей. Рядом лежит беленькая сумочка, ноги в белых чулочках, изящные туфли на перепонках. Конечно, тоже белые. На платье, под горловиной искусственные листья с цветком контрастных оттенков. Интересно, каких? Оттенков фото не передают. Хотя и без этого чёрно - белая фотография на фоне скал необыкновенно красива.

Одна из фотографий с мягким, идишеским окончанием имени подписана брату: «Ефимчику, моему дорогому. Дорке Садовникова - Фукс 6 апреля». Вот, почему в чулочках. В Крыму у моря в апреле ещё совсем не жарко. Хотя, уже и не холодно. (Видно, как изменился климат.) Сейчас в начале апреля много холоднее, ещё может выпасть снег.

Возникает вопрос: почему замужняя дама отдыхает одна? Почему грустна? С высоты сегодняшнего знания я могла бы дофантазировать. Но не буду.

Дора вышла замуж поздно. Если фотографии родителей в 1920-м году были подарены ей на свадьбу, то в это время ей был уже 31 год. Не знаю, по любви, или был сосватан ей Виктор Фукс, но через много лет после войны - дедушка Витя умер в эвакуации в Киргизии - она вспоминала его с теплой грустью. Говорила: был умный, талантливый, жизнерадостный.

ФУКСЫ

Виктор Фукс был Доре ровесником, может быть, на год или на два старше.

Его фото самое старое в моих альбомах. На обороте стоит дата: 1904-ый год. Правда, дата рукописная. Значит, не очень достоверна. Напечатанная в фотоателье была бы надёжней. Фотография маленькая. Тут, на странице в натуральную величину. Медалей, регалий и наград фотостудии А.Вознесенского и К. Князькова множество. И награды Ея Величества Королевы Сербской, и Высочайшие Награды Государя Императора, и Удостоены Награды Его Высочества Эмира Бухарского. И всё это в Симферополе, в доме Семерджиева, на улице Пушкинской, которая и сегодня, через 110 лет улица Пушкинская. И опять: «Негатив Сохраняется»!

Виктор сфотографировался сразу после гимназии. Значит, здесь ему лет 17. Почему я думаю, что после гимназии? Потому что, с усиками. А, может быть, он в гимназии и не учился, а учился в училище. Его мать, моя прабабушка Эсфирь, была портнихой. «Беловшейка» - говорила Дора. В альбоме есть и её фото вместе с семьёй сына, Виктора, с невесткой и внуками, незадолго перед войной. Об отце Виктора я ничего не знаю. Знаю только, имя отчество дедушки Виктор Моисеевич.

Я не знаю историю взаимоотношений Доры и Виктора, но могу предположить, что они были знакомы задолго до свадьбы. Встречались, расставались, разъезжались...

За это время Дора выучилась в Киеве на врача - стоматолога. Затем она вернулась в Симферополь.

За пять лет до женитьбы, в 1915-м году Виктор прислал Садовниковым свою фотографию с удивительно тёплой дарственной надписью: «Вамъ, мои хорошие, близкие посылаю сіе изображение в память своего пребывания на военной службе. Вашъ весь Витя. 26 февраля 1915 г.» В 1915-м году шла 1-ая Мировая война. Может быть, дедушка Витя воевал? Пишет он просто о «военной службе». Не знаю.. А вот ещё наблюдение: в дарственной надписи Дора никак не выделена из остальной семьи.

После армии Виктор учился. Он окончил фармацевтическое училище, стал провизором. По рассказам, он работал в Чёрной аптеке, которая располагалась «на углу». До революции - на углу Пушкинской и Дворянской. После революции - Пушкинской и Советской. В моё время, после войны, на углу Пушкинской и ул. Горького. «Чёрной» аптека называлась, потому что от пола и до потолка была застеклена непрозрачными чёрными стёклами. Я их помню. «На углу у Чёрной аптеки» назначали все свидания и встречи.

В духе времени первых советских пятилеток фото 1924-го года. Коллектив работников аптеки.

Весёлые, оптимистичные, счастливые фармацевты на фоне стеной печати: сатирической газеты «Ляпис». И дедушка Витя с ними. Похож на Чарли Чаплина. Фотография в некотором смысле уникальная. Художественная. Выстроенная мизансцена, позы, расположение, выражение лиц каждой из персон продумано. Как в хорошем спектакле.

Следующее фото 1929-го года. У Доры и Виктора уже двое детей: Мусе восемь лет, Марику пять. В 20-е годы и Дора, и Виктор работали. Получили квартиру в татарском районе. Довоенный Крым был многонациональным.

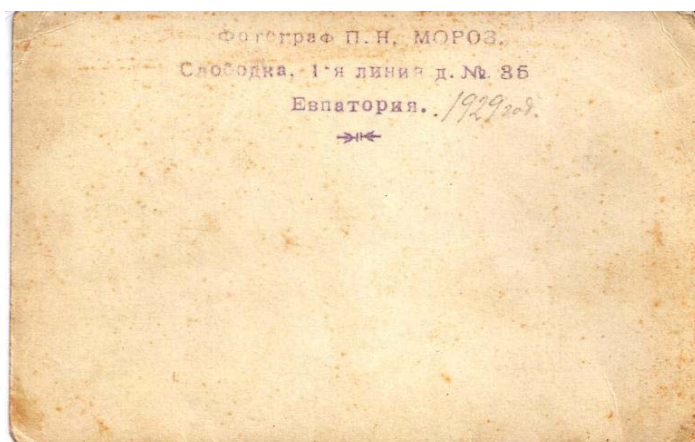
Во дворе на улице Нижнегоспитальной обитали семьи девяти национальностей.

Жили мирно. Квартира Фуксов была просторная, но низенькая. Окна на метр от земли. Через много лет мама показывала мне с противоположной стороны улицы эти окна и этот двор. «Совсем ничего не изменилось» - говорила она с грустью.

Дора работала в клинике, и дома у неё был зубо врачебный кабинет. Случалось, к ней целым табором приходили лечиться цыгане. Больной садился в кресло, а остальные на пол под стенами кабинета. Главный выкладывал кинжал и говорил: «Будэш плохо зуб лэчить - зарэжу!». Бабушка, хохоча, пересказывала мне эти истории много раз. «Ну, и, как? Как ты?» - взволнованно спрашивала я. «А я хорошо лечила!» - отвечала бабушка. И я верила, конечно. Раз жива осталась...

Летом 1929-го года Фуксы отправились всей семьёй отдыхать в Евпаторию. И, естественно, сфотографировались. На обороте уже простой штамп: «Фотограф П.Н. Мороз Слободка, 1-я линия д. № 35 Евпатория». И от руки: 1929 год.

Море тишайшее, недвижимое - такое бывает в Крыму. На ласковом евпаторийском песке семья как бы вне времени. Час 0. Дора и Виктор «в самой силе»: полнокровные, красивые... Я такой интересной женщиной бабушку никогда не видела. Может, счастлива? Ну и, конечно, дети трогательные. Мама в панамке...

Через много лет, уже в Израиле, мамина подруга рассказала мне, что дедушка Витя был гуляка, любил женщин. Бабушка Дора была с ним не особенно счастлива.

В конце 20-х годов сделано фото коллектива зубоветеринарной поликлиники. Дора стоит крайняя справа. Свободные складки белой блузы открывают шею и плечи. Выглядит очень хорошо. Все женщины в белых халатах, или в праздничных белых платьях. И мужчины при параде. Многие в светлых – парусиновых, чесучовых? - костюмах, в галстуках. Один даже со щегольской бабочкой. У двоих господ, сидящих в первом ряду, на коленях шикарные шляпы. По-видимому, именно такое расположение требовалось на коллективном снимке. Двое других статусом пониже - у них белые кепки.

Подобные фото можно разглядывать, как роман читать. Застывшее время. Снимок эпохи. Чего стоят только татарский парень в папахе и рядом русский мужик с окладистой бородой, на самом верху! Один санитар, другой извозчик. Но фотографируются важные господа - врачи и простые работники вместе: «Радуюсь я – это мой труд вливается в труд моей республики!»

Типы лиц и славянские и семитские, и тюркские. Есть необыкновенно красивые, умные, значительные. Крымская многоликость.

При небольшом приближении свободно читается адрес клиники, вписанный в фонарь над дверью: Карла Маркса 22. Интересно, что там сейчас?

Почему картонка так пострадала и чем залита, я не знаю. Может, я же её и покалечила в глупом детстве. Однако я уже догадалась, что все довоенные фото побывали в эвакуации и вернулись обратно. Значит, они были особенно дороги моим родным.

И я эту фотографию могу рассматривать часами...

Дора была какая-то вся мягкая, и телом, и характером. Медлительная, чуть печальная. Это на снимках видно. В конце 30-х годов она служит преподавателем зубоврачебной школы.

Работа всегда была важна для неё. Хотя амбициозной она не была. О профессиональных успехах говорили другие. Мне от многих довелось слышать: «Я училась у твоей бабушки» или «Она училась у твоей бабушки». Тон, с которым это произносилось удостоверял качество.

На верхнем снимке подпись: «Выпуск 1940г». Три других сделаны тогда же и там же. На них те же люди, выпускники, теперь уже зубные врачи. Фотографии запечатлели группу, учительницу и процесс обучения: сначала тренировались друг на друге. Это вызывает доверие.

Мне зубы тоже лечила бабушка Дора. О, пыточное кресло! О, бормашина! О, самые тонкие свёрлышки! И, хотя бабушка

убеждала: «Ты ничего не почувствуешь...», - поверила я ей только в самый первый раз.

Эти снимки тоже бабушка возила в эвакуацию и обратно.

Следующие фото сделаны в марте 41-го. Как специально, перед разлукой. Фотограф был приглашён домой, на Нижнегоспитальную. На снимках моя прабабушка Эсфирь, мама дедушки Вити, красивая старая женщина. Они с Виктором похожи. Тут уже взрослые Муся и Марик с бабушкой и отдельно. И Виктор с Дорой, и все вместе. Семейная фотосессия. Дора и Виктор постаревшие. Им за пятьдесят. На общем фото рука Виктора лежит у

Доры на плече.

Когда умерла и где похоронена прабабушка Эсфирь я не знаю. Осенью 1941-го года моя семья уезжала в эвакуацию без неё. Но у неё был ещё один сын, Леонид, успешный врач в Москве и дочь Ида.

Обстановка в квартире более чем скромная. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных». Традиционный диван с зеркалом по центру спинки.

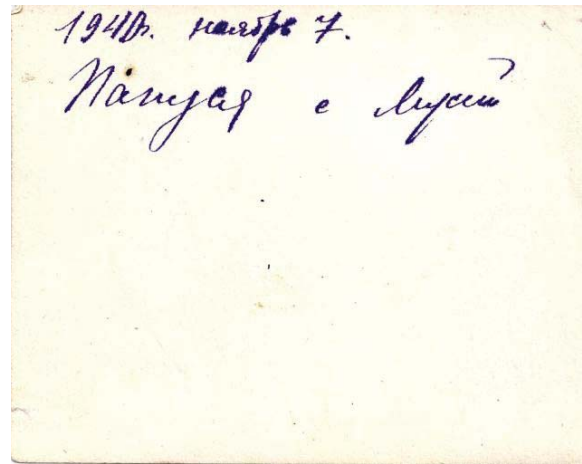

Будильник, салфеточки, чахлый цветок. Ночник - белая сова с горящими глазами. Всё как у всех. Чуждым, дорогим предметом выглядит уголок рояля. Мама училась музыке и на всю жизнь запомнила две-три пьесы. Играла их умело, с бурными арпеджио во всю клавиатуру, и пела хорошо. Голос был звонкий, чистый и слух хороший.

Бабушка рассказывала, когда уезжали в эвакуацию, всё оставили, «как было».

Из всех вещей сохранились только пуговицы с бабушкиного платья. Костяные, формы вытянутого овала, грязно-жёлтого цвета - три большие и несколько маленьких - пролежали в коробке почти 65 лет и были скрепя сердце выставлены к мусорным бачкам в 1998-м году, перед отъездом в Израиль. История, конечно, тривиальная. Но я помню, как приятно было осязать эти бабушкины пуговицы и как жаль было их выбрасывать...

Ласковая подпись на обороте фотографии сделана рукой моей мамы. 7 ноября 1940-го года - праздник. 22-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Хорошая погода, яркое солнышко светит прямо в глаза. Виктор даже голову наклонил, чтобы не слепило. У Виктора на рукаве повязка. Какой-то он активист, где-то дежурит. Советская власть вечно приставала со всякими глупостями. А они вот на демонстрации встретились с дочерью и снялись. На демонстрации все фотографировались.

Поразительно, как даты на скромных, частных фотографиях соотносятся с датами глобальных мировых событий. И как мои родные (и все родные) втягиваются в эти события, не желая, не предполагая, не намереваясь. Скромные зубные врачи, фармацевты, студенты... Безвольная субстанция некоего мирового варева; песчинки, влекомые торнадо с ласковыми женскими именами.

Через восемь месяцев началась война, а чуть меньше, чем через год, 1-го ноября 1941-го года в Симферополь вошли фашисты.

Виктор решительно настаивал на эвакуации. Он говорил, что Муся и Марик комсомольцы. Нужно уезжать! О том, что фашисты уничтожают евреев, ещё не было известно.

Фуксы уехали в Киргизию. Жили в каком-то дальнем ауле. Муся продолжила учиться в мединституте во Фрунзе. В общежитии заразилась тифом и чуть не умерла. Семья голодала. Ели картофельные очистки. Дора исхудала и могла два раза обернуться своей юбкой.

Там, в киргизском ауле, Виктор Моисеевич Фукс скоропостижно скончался «от разрыва сердца» в возрасте 54-х лет. Там и похоронен. (Где?)

В Симферополь вернулись уже без него. В 1947-м году меня в память о дедушке называли Викторией.

СРЕДНЯЯ ДОЧЬ, ПАША

Вторая дочь Садовниковых, Полина, Паша, как её называли, была на несколько лет младше Доры. Её фотографии у меня нет и нигде нет, хотя она наверняка фотографировалась. Она ведь так же, как и сестра, училась в гимназии, вышла замуж, родила сына. Её муж, Марк Борисович Маршалак служил бухгалтером. Его изображение на снимке 1938-го года.

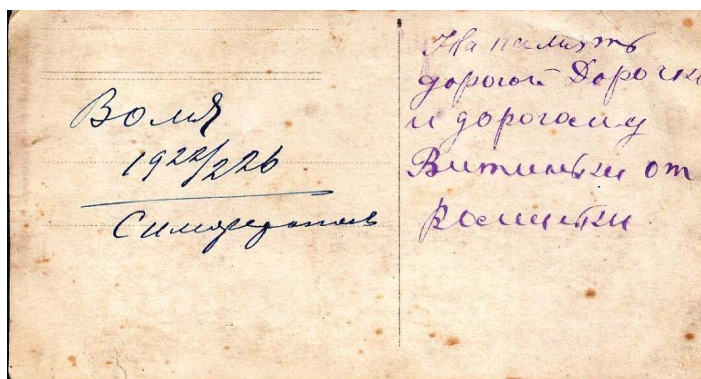

Фото их сына, Волика было подарено Доре и Виктору в 1922-м году. Волику года 4 или 5. Каким было его полное имя я не знаю. Мальчик приятный. Старательно и нарядно одет. Личико печальное.

Есть его снимок с друзьями (Волик в центре) перед самой войной. На обороте невозможная надпись.

В 1941-м году Волик ушёл на фронт добровольцем и уже в декабре погиб в боях под Москвой.

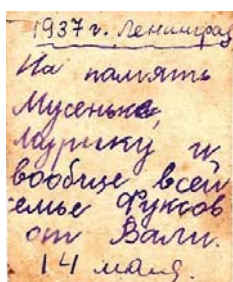

Паша и Марк Маршалаки не эвакуировались и в то же самое время, когда погиб их сын, они были расстреляны фашистами в Симферополе.

Уничтожение семьи стало делом нескольких месяцев.

Репатриировавшись в Израиль я передала данные о них в музей Яд-ва-Шем - Музей Катастрофы европейского еврейства.

МЛАДШАЯ ДОЧЬ, МАРУСЯ

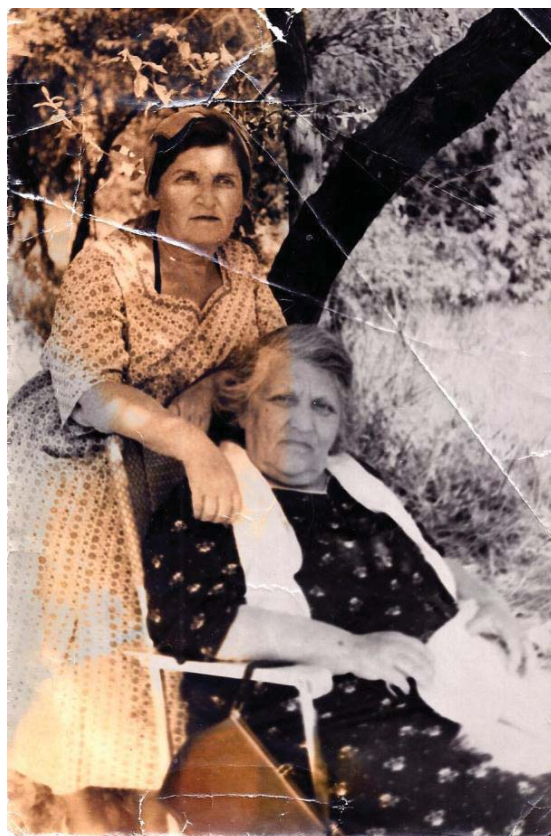
Третья дочь Садовниковых, младшая, Маруся выучилась на медсестру, вышла замуж за Якова Столяра. Они жили в Ленинграде. Яков Столяр был каким-то хозяйственным или даже партийным работником и, по-моему, был репрессирован. Снимок с сестрой Дорой (в центре) сделан в середине 30-х. На переднем плане Маруся. Позади Доры Валя, дочь Маруси. Почему-то Валя смотрит исподлобья. Как знаки

времени на фото чудесный патефон и высокая узкая ваза с цветами. Маленькая карточка подарена двоюродным сестре и брату: Мусеньке (моей маме) и Мурику (так Марика называли в детстве) и подписана Валею, ещё школьницей, собственноручно. Год обозначен на фотографии. Маруся с дочерью Валею пережили блокаду Ленинграда. После войны они переехали в Москву. Валя стала инженером, вышла замуж. У них с мужем Йорой, тоже инженером, было две дочери: Тата и Маша. (На фото Маруся с внучкой Татой).

Сёстры Дора и Маруся встречались. Семьи ездили друг к другу в гости, в Москву и в Крым. Моя мама дружила со своей двоюродной сестрой Валею до самой смерти.

На последнем снимке сёстры Маруся и Дора в Евпатории.

Удивительно, как Маруся одинаково хорошо выглядит на фотографиях 30-х, 50-х, и 60-х годов. Она говорила, что нужно мазать лицо сметаной. Правильно говорила.

СЫН ФИМА

Четвёртый и младший из детей Садовниковых, сын Фима родился в 1905-м году.

На снимке 1937-го года Фима (в центре) со своими племянниками - детьми трёх старших сестёр. Самая старшая сестра Дора всю жизнь относилась к нему по-матерински.

Он был всеобщим любимцем, красавец, сибарит, яркий и с яркой судьбой. Фима был музыкально одарён, окончил

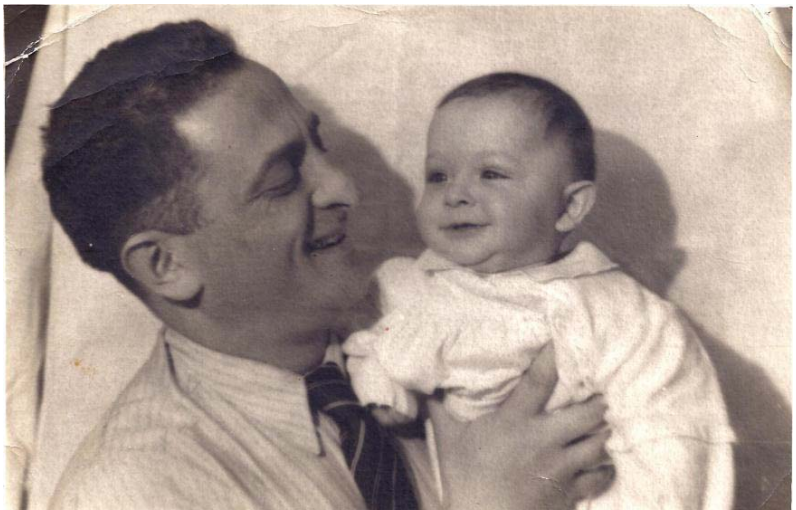
Московскую консерваторию по классу фортепиано. Пианистом не стал, так как сломал мизинец правой руки. Он служил директором касс, а после администратором Большого театра. В начале 50-х, в связи с делом врачей был уволен и продолжил работать концертмейстером балетного училища Большого театра. Потом служил ответственным секретарём Союза композиторов. Под его редакцией вышли нотографические справочники Шебалина и Прокофьева.

Ефим Садовников влюблялся и женился много раз. На маленьком фото слева он с одной из первых своих жён, Людмилой, балериной Большого театра.

Историй его влюблённостей и причин разводов я не знаю. Но знаю, что однажды он без памяти влюбился в Валю Александровскую, офицера ГРУ, переводчицу, участницу войны в Испании. Её героическая биография сыграла в чувствах Фимули немалую роль. К тому же Валечка была хорошенькая голубоглазая блондинка. Это мне рассказывала

бабушка Дора. Фима женился на Валентине и у них в 1941-м году родился сын Лев (фото справа). Лёва Садовников - продолжатель фамилии Садовниковых, отец двух сыновей: Бори и Мити. На них вся надежда. С Лёвой и его чудесной, одной-единственной женой Зиной мы по-настоящему дружим всю жизнь.

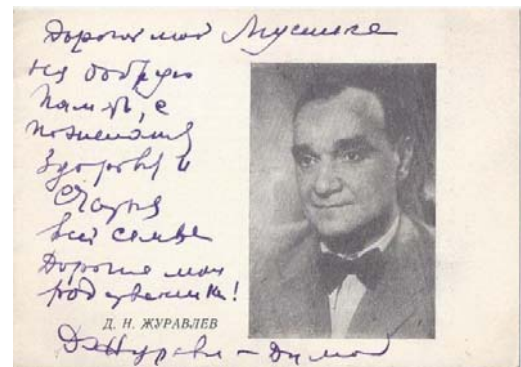
На фото слева последняя жена Фимы, Иннуша, дочь знаменитого дипломата Бориса Ефимовича Штейна и Анны Семёновны, преподавателя консерватории. Иннуша, обаятельная, живая, провела детство и юность с родителями в Европе. В Москве она преподавала английский в институте Мориса Тореза.

В 1953-м году у них родилась дочь Наташа, которую все боготворили. На фотографиях Наташа со своей мамой и со своей родной тётёй - Дорой. А кажется, что с бабушкой.

Жили Фимуля и Иннуша, как их называли в семье, на улице Горького, в кооперативном доме работников Большого театра. Их друзьями и соседями были Наталия Дмитриевна Шпиллер и Святослав Кнушевицкий, Мелик - Пашаевы, Мессереры. Лучшим другом Фимули был Дмитрий Николаевич Журавлёв. Однажды в доме у Садовниковых я слушала рассказы Зощенко и Бабеля, которые исполнял Дмитрий Николаевич по просьбе

сидящих за многолюдным праздничным столом гостей. Помню взрывы хохота и то, что мне, тогда десятилетней, тоже было ужасно смешно... Позже я бывала на его концертах в Симферополе. Приезжая в Крым на гастроли он всегда посещал наш дом. Бабушка и мама готовили к его приезду крымские яства, которые он обожал. Программа концерта Дмитрия Николаевича Журавлёва с дарственной надписью моей маме - реликвия нашей семьи.

Фимуля был щедрым, великодушным

человеком. Близкие нам симферопольцы по дороге из эвакуации, а, стало быть, нищие, голодные и грязные, останавливались у него в Москве и позже рассказывали нам о его гостеприимстве.

Мой папа, которого перевели на работу в Москву, жил у Садовниковых два года. Он очень любил Фиму и вспоминал, как во время прогулки Фимуля подошёл к уличному чистильщику обуви и отдал ему обещанное лекарство.

бесчисленные вопросы.

Старость Доры была относительно благополучна. На одной из последних её фотографий рядом две внучки. Я справа, а в центре Галочка - дочка сына Марка, моя «родная двоюродная сестра».

Бабушка Дора вырастила меня и научила читать. Она была умным, культурным человеком. У неё была чудесная, чистая речь. Она много разговаривала со мной, пока я слушала. Терпеливо отвечала на мои

Почти всё время до самой её смерти в 1963-м году мы жили вместе, буквально бок о бок. Наши кровати стояли параллельно в 9-ти метровой комнате. Меня это не смущало - бабушка была близким человеком. Говорят, что сейчас, в старости, я стала на неё очень похожа.

В этих записках насколько возможно подробно я обрисовала лишь одну ветвь семейного древа. Семью мамы моей мамы, Доры Львовны Фукс, до замужества Садовниковой.

Мне кажется странным, что ветви этого самого древа разрастаются, а связи с родственниками, даже достаточно близкими по крови, не сохраняются, теряются. Где-то живут потомки родного брата моего дедушки Вити, Леонида Моисеевича Фукса, «кремлёвского доктора». Живя в Москве мы встречались с ним.

В Москве живут, но уже совершенно не связаны со мной, внуки и правнуки Маруси Садовниковой, младшей сестры Доры.

Случается и так, что люди близкие по крови оказываются чужими по сути. Жаль. Я всё равно ощущаю к моим дальним и незнакомым родным внутреннее тяготение, тепло и печаль по нашему несбывшемуся знакомству, нашей «родственной близости».

Сейчас, в старости, я хорошо понимаю моего дедушку со стороны папы, Наума Зиновьевича Найговзина. Он, узнав, что где-то живёт его однофамилец, обязательно ехал к нему, или связывался как-то по-иному, чтобы выяснить, есть ли между ними родство и в какой степени. О замечательных родителях моего отца и их семьях я расскажу в следующий раз.

Эти записки я писала с перерывом в год, во время которого заболел и умер мой любимый муж Ваня Ковальчук. Перед самой болезнью он успел отобрать, сканировать и подготовить к печати все помещённые здесь фотографии. Он ещё успел выслушать первые страницы моего повествования и, как всегда, горячо одобрить их.

Израиль, Ришон ле-Цион,
2015 г.

